

УДК 94(47).084.8

«ERINNERUNGSDIKTATUR»: ПАМЯТЬ О (НЕ) СОВЕТСКОЙ ЖИЗНИ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СВАГ

*Власов А.В., магистрант, тел. 8(919)8366785, aleksvlasov3007@gmail.com
Научный руководитель – доц. Лучников А.В.
ФГБОУ ВО СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.*

Ключевые слова: мемориальная культура, эго-документы, Советская военная администрация в Германии, СССР, культура воспоминаний.

В статье сделана попытка проанализировать риторiku и дискурсивные практики «культуры воспоминания» о советской оккупации Восточной Германии в 1945-1949 гг. Для раскрытия данной проблемы автор использовал персональные нарративы, которые являются ярким маркером состояния исторической памяти в конкретный исторический период.

Одним из главных направлений развития memory studies является изучение так называемых «культур воспоминания» - различных историко-культурных способов обращения с прошлым. В этой связи в данной статье рассматривается «культура воспоминания» о советской оккупации Германии в эго-документах военнослужащих Советской военной администрации в Германии (далее – СВАГ). Для раскрытия данной темы автор использует следующие вопросы: Кто вспоминает? Что вспоминает? Как вспоминает?

Победный 1945 год стал началом длительного и всестороннего знакомства с немецкой культурой для советского человека, оказавшегося на службе в СВАГ или Группе советских оккупационных войск в Германии. В 1945-1949 гг. в Германии оказалось около миллиона советских граждан [1, S. 15.], получивших уникальный опыт познания окружающей среды. Поэтому память о той *несоветской* жизни конфликтовала со всеми лекалами *советской* жизни на протяжении нескольких десятилетий [2]. Данная социальная группа имела собственные нарративы памяти, которые не всегда укладывались в «рамки» послевоенного общества.

Выбор эго-документов как базиса данного исследования не случаен. На мой взгляд, данный вид источников представляет собой наиболее эвристический вариант изучения «культуры воспоминания». В них конструируется персональный нарратив, где нарратор, очевидец или свидетель исторических событий, презентует обществу свою память (стоит также отметить, что он является и выразителем коллективной/социальной памяти), которая впоследствии либо удовлетворяет требованиям его мемориальной культуры, либо подвергается процедурам социальной коррекции, или же ему отказывают в признании.

Сразу после создания ГДР тема, связанная с советской оккупационной зоной и пребыванием значительного контингента советского общества на её

территории, становилась табуированной и подлежала забвению в СССР. В 1951 г. и 1954 г. выходят записи корреспондента газеты «Правда» в Германии Ю.М. Королькова и главного редактора газеты «Tägliche Rundschau» (печатный орган для немецкой аудитории в структуре СВАГ) А.В. Кирсанова [3; 4], имеющих жесткий тенденциозный характер и недостаточной реалистичностью. Индивидуальные воспоминания, заключённые в этих записях в специфические рамки, присутствуют лишь для конструирования тех границ, в которых должны формироваться представления у советского населения об этих событиях и в которых должны быть заключены нарративы памяти участников того исторического процесса. Заданная ими политическая констелляция не могла принимать во внимание голоса памяти как рядовых участников событий, так и представителей правящей касты советского общества. О том, что вспоминалось в этих записях говорить не приходится, так как они обладают откровенно слабым познавательным потенциалом и лишены описательности как таковой.

В 1960-е годы в советском обществе происходит смена парадигмы «культуры воспоминания». Причины такого изменения кроются в двух процессах, которые берут своё начало в этот период. Во-первых, публикация эго-документов была тесно связана с процессом, который начался во второй половине 1960-х и на протяжении 1970-х и 1980-х гг., когда советское государство превращается в «диктатуру воспоминаний» («Erinnerungsdiktatur»), используя память о великих достижениях эпохи сталинизма - победы во Второй мировой войне и создании основ социалистического строительства - в качестве главных стратегий регенерации доверия масс к режиму [5, Р. 239-257]. Во-вторых, навстречу этому процессу начинал идти другой – это постепенное угасание военного поколения и «живой» памяти о Великой Отечественной войне. В качестве мемориальных акторов здесь выступает не только государство, но и профессиональные военные – офицеры высшего и среднего звена. Именно они в глазах фронтового поколения и населения СССР выглядели теми доверительными и осведомленными лицами, в трудах которых была отражена история их страны.

Данный пласт этих эго-документов транслирует обществу совокупность разнообразных интересных фактов, в большей степени они имеют описательный характер. Преимущественно в них отражается политика СССР в германском вопросе, подчеркивается ее успешность и результативность, присутствует содержательный уклон в сторону освободительной миссии, привнесения немецкому народу социалистического образа жизни и коммунистических ценностей [6;7] и т.д. Идеологическое противостояние между социалистическим блоком и капиталистическим блоком в эго-документах оформлялось в оппозицию «свой-чужой».

Разумеется, в данном случае можно говорить не столько о самом прошлом, сколько о сложившейся в обществе определенной конфигурации истори-

ческой памяти, которая определила свой подбор мифологизированных образов и специфику их интерпретации. Под такими образами можно понимать, как и ритуализованные манифестации германо-советской дружбы, так и тот набор тем и сюжетов, которые должны были мобилизовать и консолидировать общество в рамках унифицированного мемориального режима.

С распадом СССР на территории постсоветского режима появляется плюралистический мемориальный режим. Государство как мнемонический фактор на несколько десятилетий перестаёт существовать. На авансцене «культуры воспоминания» появляются эго-документы, авторы которых - выходцы из средних и низших слоев советского населения. В СССР состоялось вытеснение их военного и оккупационного прошлого, игравшего зачастую существенную роль в жизни и судьбе бывших военных после возвращения на Родину и демобилизации [8, С. 345]. В этот период происходит усиленная реактуализация и реактивация памяти посредством издания воспоминаний. Индивидуальная память этих авторов презентовала иную историческую реальность, которую формировала новая «культура воспоминания», теперь же данная социальная группа заявила обществу о своей идентичности, о которой раньше заявить не представлялось возможным. К сожалению, круг свидетелей тех событий значительно поредел, а «голоса» этой социальной группы находились в почтительном возрасте. На страницах своих мемуаров они передают нам свои историко-психологические переживания и рефлексию, в которых значительно расширяется набор тем и сюжетов: поведенческие практики советского человека за границей, немецкую культуру, общение с населением и союзниками, критика советской политики.

Личное воспоминание и забвение всегда интегрируются в более широкие контексты памяти и забвения. Не только каждый индивидум выбирает для себя, что он желает или не желает помнить, но и члены социальной группы сообща решают, что должно сохраниться для будущего, оставаясь доступным потомкам. На примере трёх видов «культур воспоминания» об оккупации Германии в эго-документах военнослужащих СВАГ можно заметить, как проявлялась конструктивистская и динамическая природа памяти и как идентичность, долгое время находившаяся в забвении общества, смогла заявить о себе обществу в тех рамках воспоминаний, в которых формировалась на протяжении нескольких десятилетий.

Библиографический список:

1. Foitzik J. Russischer Soldatenalltag in Deutschland 1945-1994. Berlin, 2008.
2. Интервью с участником войны, д.и.н., профессором Яковом Самойловичем Драбкиным. Декабрь 2007 (интервьюер Н.П. Тимофеева) // «Свой-другой-чужой»: парадоксы взаимовосприятия русских и немцев в контексте истории XX в.: материалы конференции. Воронеж, 2014.

3. Корольков Ю.М. В Германии после войны. Записки корреспондента. М., 1951.
4. Кирсанов А.В. Борьба за единую, независимую, демократическую, миролюбивую Германию. М., 1954.
5. Jones P., Myth, Memory, Trauma: Rethinking the Stalinist Past in the Soviet Union, 1953-1970, New Haven, London, 2013.
6. Вайс Г.Л. Утром, после войны. М., 1977.
7. Котиков А.Г. Записки военного коменданта Берлина. М., 2016.
8. Тимофеева Н.П. Война и послевоенное пребывание за границей как катализатор личного самоопределения офицеров Советской военной администрации в Германии, 1945-1949 гг. // Человек и личность в истории России, конец XIX - XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7-10 июня 2010 года). СПб., 2013.
9. Чубинский В.В. Моя оккупация Германии. Русский офицер в Берлине и окрест. 1946-1950 гг. СПб., 2004.
10. Ермолаев В.А. «Без гнева и пристрастия»: Записки историка. Саратов, 2009;

«ERINNERUNGSDIKTATUR»: MEMORY OF (NOT)SOVIET LIFE IN EGO DOCUMENTS OF MILITARY SMAG

Vlasov A.V.

Key words: *memorial culture, ego documents, Soviet military administration in Germany, USSR, culture of memories.*

The article makes an attempt to analyze the rhetoric and discursive practices of the «culture of memories» about the Soviet occupation of East Germany in 1945-1949. To solve this problem, the author used personal narratives, which are a vivid marker of the state of historical memory in a specific historical period.